

## ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).084.3

### ДЕЗЕРТИРСТВО В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1918–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)

И. Б. Белова

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, кафедра новейшей отечественной истории, г. Калуга, Россия

Проблема уклонения от призывов в Красную армию и самовольного оставления военной службы в годы Гражданской войны изучена недостаточно. Отдельные работы и разрозненные сведения не позволяют воссоздать целостную картину. Положение может быть исправлено с помощью региональных исследований. На основании документов, относящихся к Калужской губернии (фонды губернского и уездных военных комиссариатов, губернского ревтрибунала, отдела управления и административного отдела губернского исполкома), автор приходит к заключению, что полное искоренение дезертирства сделалось практически невозможным. Это было обусловлено главным образом тем, что масштабы дезертирства практически соответствовали уровню пособничества дезертирам со стороны крестьянского населения, недовольного «Военно-коммунистической» политикой большевиков.

**Ключевые слова:** дезертиры, борьба с дезертирством, Красная армия, Гражданская война, Калужская губерния, военные комиссариаты, большевики.

Проблема уклонения от призывов в Красную армию изучена недостаточно. Трудно сказать, насколько разрозненные официальные данные и отдельные свидетельства отражают масштабы дезертирства в период Гражданской войны. Так, считается, что с октября 1918 г. по апрель 1919 г. на призывные пункты не явились 917 тыс. человек, т. е. 25 % граждан, подлежащих мобилизации<sup>1</sup>. Возможно, однако, что дезертиров было больше, если учитывать лиц, уклонившихся от призыва ранее.

В целом сведения о предмете исследования весьма противоречивы, да и само это понятие дезертирства, используемое в официальных документах, достаточно расплывчато. Основную массу «дезертиров» Красной армии составляли лица, попросту не явившиеся на призывные пункты и скрывавшиеся от мобилизаций в окрестных лесах. Формально их нельзя было считать дезертирами – присягу они не принимали. Тем не менее тер-

---

<sup>1</sup> Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. М.; Л., 1933. Т. 4. С. 133. Antonov-Ovseenko V. A., *Zapiski o grazhdanskoj vojne*, M., L., 1933, T. 4, S. 133.

мин «дезертир» за такими «уклонистами» закрепился весьма устойчиво. Существующая статистика не всегда учитывала этот момент – отсюда заметные количественные расхождения, что усложняет изучение данного явления. В связи с этим под дезертирами того времени уместнее всего понимать лиц, так или иначе активно – в ходе призыва или после зачисления в те или иные подразделения – по разным причинам уклонявшихся (в том числе временно) от службы в Красной армии.

В 2012 г. историография пополнилась содержательной диссертационной работой К. В. Левшина, территориальные рамки которой охватывали Северо-Запад России. В ней приводятся данные о дезертирах, выловленных на конец 1920 г. в Петроградской, Новгородской и Псковской губерниях. Исследователь пришёл к выводу, что огромные организационные усилия, потраченные на борьбу с дезертирством, привели лишь к его «сдерживанию»<sup>2</sup>. Это подтверждается и другими, пусть косвенными, данными. Так, по некоторым сведениям со времени перехода к всеобщей воинской повинности в 7 военных округах (из 12), в которых состояло на учёте 3 млн 396 тыс. лиц, подлежащих призыву, не явилось на призывные пункты 754, 5 тыс. человек<sup>3</sup>. Многие красноармейцы убегали «на время» – «погулять» или помочь по хозяйству. Не случайно наибольшее число дезертиров давали месяцы летней страды<sup>4</sup>. Такая «традиция» сложилась ещё в годы Первой мировой войны – крестьяне попросту не понимали необходимости несения службы в армии на профессиональной основе<sup>5</sup>. Не случайно, не менее активно они дезертировали и из антибольшевистских армий. Однако советская историография крайне политизировала данный феномен, связывая дезертирство из Красной армии с «кулацкой агитацией».

Так или иначе, дезертиры доставляли массу всевозможных «неудобств» советской власти. Они не просто дезорганизовывали тыл. Большевики считали дезертирство одним из источников бандитизма<sup>6</sup>. Некоторые сельские регионы по сути дела оказывались под властью дезертиров. Поэтому они не без оснований воспринимались большевиками в качестве «зеленых» – резерва контрреволюции<sup>7</sup>. Так, в Мещовском уезде Калужской

<sup>2</sup> См.: Левшин К. В. Дезертирство в Красной Армии в годы Гражданской войны на Северо-Западе России, 1918 – 1921 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.

Levshin K.V., *Dezertirstvo v Krasnoj Armii v gody Grazhdanskoj vojny na Severo-Zapade Rossii, 1918 – 1921 gg.*: Diss. ... kand. ist. nauk, SPb., 2012.

<sup>3</sup> Ленинский сборник. XXXIV. М., 1942. С. 185.

Leninskij sbornik, XXXIV, M., 1942, S. 185.

<sup>4</sup> Оликов С. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. М., 1926. С. 30–31.

Olikov S., *Dezertirstvo v Krasnoj armii i bor'ba s nim*, M., 1926, S. 30–31.

<sup>5</sup> Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 472.

Buldakov V.P., Leont'eva T.G., *Vojna, porodivshaja revoljuciju*, M., 2015, S. 472.

<sup>6</sup> Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 53, 175.

Grazhdanskaja vojna i voennaja intervencija v SSSR. Jenciklopedija, M., 1983, S. 53, 175.

<sup>7</sup> Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 210, 353, 942.

Buldakov V. P., *Haos i jetnos. Jetnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg. Uslovija vozniknovenija, hronika, kommentarij, analiz*, M., 2010, S. 210, 353, 942.

губернии вооруженный отряд в одном из сёл вместе с группой укрываемых священником дезертиров обнаружил пулемет, 2 десятка револьверов и полтысячи патронов<sup>8</sup>.

Постановление о принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую Красную армию было принято ВЦИК 29 мая 1918 г. В нём отмечалось, что «переход от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян повелительно диктуется всем положением страны, как в борьбе за хлеб, так и для отражения... контрреволюции, как внутри страны, так и внешней»<sup>9</sup>. Но вряд ли крестьянское большинство населения, уставшее от тягот войны, адекватно воспринимало подобные заявления. Уже в декабре 1918 г. Совет рабоче-крестьянской обороны вынужден был принять постановление «О дезертирстве», в котором было объявлено о создании особой комиссии, призванной осуществлять руководство соответствующими губернскими комиссиями.

Военные комиссариаты ждали этого решения, считая его принятие неизбежным, так как с набором в армию добровольцев дело обстояло плохо. Так, на обращение к волисполкомам о наборе всего от 2 до 8 человек, «стоящих на платформе советской власти», военные комиссариаты получали, как правило, отрицательный ответ. Губернские военные комиссары предупреждали местные власти о необходимости применения к ним «мер воздействия в случае невозможности получить требуемое число добровольцев». Однако и это не приносило ожидаемого результата<sup>10</sup>. Волостные Советы постоянно объясняли губернскому военкому, что крестьянское население категорически отказывается от военной службы по причине тяжёлого продовольственного положения и голода, из-за чего ему приходится заниматься «беспрерывным мешочничеством, несмотря на решительные меры, принимаемые против него на железной дороге»<sup>11</sup>. Уездным военкомам волисполкомы отвечали лаконичнее: «добровольцев не оказалось»; «изъявивших желание добровольно служить в советских войсках нет»<sup>12</sup>.

Военным комиссариатам, приступившим к принудительным наборам в армию (а до конца 1918 г. мобилизация объявлялась 14 раз), пришлось

---

<sup>8</sup> Государственный архив Калужской области (далее – ГА КО). Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 67. Л. 154.

State Archive of Kaluga Region (GA KO), F. R-526, Op. 1, D. 67, L. 154.

<sup>9</sup> Постановление ВЦИК о переходе к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян в Рабоче-крестьянскую Красную Армию. 29 мая 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 334–335.

Postanovlenie VCIK o perehode k vseobshhej mobilizacii rabochih i bednejshih krest'jan v Raboche-krest'janskuju Krasnuju Armiju. 29 maja 1918 g., Dekrety Sovetskoj vlasti, T. 2, M., 1959, S. 334–335.

<sup>10</sup> ГА КО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 1199. Л. 3, 10.

ГАКО, F. R-85, Op. 1, D. 1199, L. 3, 10.

<sup>11</sup> Там же. Л. 75; Ф. Р-1069. Оп. 2. Д. 6. Л. 87.

Ibid, L. 75; F. R-1069, Op. 2, D. 6, L. 87.

<sup>12</sup> Там же. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 18. Л. 3, 36; Д. 7. Л. 2, 84.

Ibid, F. R-526, Op. 1, D. 18, L. 3, 36; D. 7, L. 2, 84.

лишний раз убедиться в отрицательном отношении населения к военной службе. Так, согласно документам, призывники игнорировали требования явки на призывные пункты, а будучи призванными, бежали по пути следования в воинскую часть или непосредственно с места службы<sup>13</sup>. Большевицкая власть реагировала на столь неблагоприятное развитие событий постановлением Совета Обороны от 25 декабря 1918 г. «О борьбе с дезертирством». Была учреждена центральная комиссия по борьбе с дезертирством – Центркомдезертир, включавшая представителей Всероссийского Главного штаба, Всероссийского бюро военных комиссаров, Народного комиссариата внутренних дел<sup>14</sup>. Создание всевозможных межведомственных комиссий было обычной практикой тех лет. Однако вряд ли это очередное бюрократическое нововведение могло кардинально изменить ситуацию.

Основная причина нежелания служить в армии – усталость от «бессмысленных» войн. К этому в сознании сельских жителей добавлялась уверенность в слабости «городской» власти, что, в общем, соответствовало действительности. Крестьяне не могли не относиться к дезертирам сочувственно: в деревне крайне не хватало рабочих рук. Их настроение было достаточно точно отражено поэтом Д. Бедным: «Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты...». Но уговоры большевистских пропагандистов, как правило, не помогали.

В феврале 1919 г. было утверждено положение о революционных военных трибуналах, занимавшихся, в основном, делами о дезертирстве. Характерно, что чаще всего по отношению к дезертирам применялись так называемые условные смертные приговоры – такова была обычная практика показательного устрашения, не исключавшая использования «прощенного» на дальнейшей службе. В прифронтовой полосе создавались особые заградительные отряды для ловли дезертиров. В апреле 1919 г. последовало очередное ужесточение мер борьбы против них. К этому времени выяснилось, что на фронт прибывает лишь 50 % уже мобилизованных красноармейцев – остальные сбегали по дороге, мотивируя это плохим питанием, обмундированием и дурным обращением. Общее число уклонившихся от призыва, не прошедших медкомиссию и явных дезертиров за первые три месяца 1919 г. составило более 1,5 млн человек, то есть 50 % от общего числа состоявших на учете в 7 военных округах. Поэтому для борьбы с дезертирством в маршевых ротах стала вводиться круговая порука<sup>15</sup>. К лету 1919 г. Центральной комиссией было разработано Положение о комиссиях

<sup>13</sup> ГА КО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 25. Л. 40; Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 13. Л. 124, 315.

ГА КО, Ф. Р-85, Оп. 1, Д. 25, Л. 40; Ф. Р-526, Оп. 1, Д. 13, Л. 124, 315.

<sup>14</sup> Постановление Совета Обороны о борьбе с дезертирством. 25 декабря 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1968. С. 254–256.

Postanovlenie Soveta Oborony o bor'be s dezertirstvom. 25 dekabnja 1918 g., Dekrety Sovetskoj vlasti, T. 4, M., 1968, S. 254–256.

<sup>15</sup> Аникеев В. В. Деятельность ЦК РКП (б) в 1918 – 1919 годах. Хроника событий. М., 1976. С. 488–499.

Anikeev V. V., *Dejatel'nost' CK RKP (b) v 1918 – 1919 godah. Hronika sobytij*, M., 1976, S. 488–499.

по борьбе с дезертирством, учреждаемых в военных округах, губерниях и уездах при военных комиссариатах. В нём отмечалось, что комиссии губернского уровня могут создавать волостные комиссии, однако на их содержание «выдач не производится». Председатель центральной комиссии назначался приказом Реввоенсовета республики, а ее постановления должны были приниматься большинством голосов. Управление делами при центральной комиссии было призвано разрабатывать меры борьбы с дезертирством, контролировать их исполнение с помощью специальных уполномоченных. Согласно положению, в состав окружных губернских и уездных комиссий входил председатель – представитель военного комиссариата, члены и необходимый штат канцелярских работников. Членами этих комиссий состояли представители отдела управления исполкома и культурно-просветительного отдела военного комиссариата. В постановлении содержался также перечень предупредительных и карательных мер борьбы с дезертирством, выделялись организации, привлекаемые к совместной с комиссиями работе. Характерно, что комиссиям по дезертирству вменялось в обязанность контролировать работу комиссариатов соцобеспечения и земледелия в части «обеспечения семей красноармейцев», включая обработку их земельных участков<sup>16</sup>. Впрочем, последние меры принимали чисто декларативный характер по причине нехватки средств на вспомоществование семьям призванных – этот фактор давал о себе знать и после окончания Гражданской войны<sup>17</sup>.

Обстановка на фронтах настоятельно требовала укрепления Красной армии всеми силами и средствами. Совет обороны летом 1919 г. принял постановление «О мерах по искоренению дезертирства». В документе утверждалось, что «труссы и шкурники, уклонившиеся от мобилизаций, бегущие из рядов Красной армии... вынуждают Советскую власть объявлять новые мобилизации». Для окончательного искоренения укрывательства от мобилизаций и дезертирства предлагались следующие меры: конфискация имущества и лишение земельного надела дезертиров и всех виновных в укрывательстве; урочные работы для укрывателей в хозяйствах красноармейцев, а также повинности по общественным работам, денежные штрафы, принудительные общественные работы и штрафы для целых волостей, сел и деревень. Предусматривались также «самые тяжкие наказания, вплоть до расстрела» для советских должностных лиц, так или иначе потворствовавших дезертирам. Приводить в исполнение предусмотренные постановлением наказания поручалось ревтрибуналам, а за их отсутствием в тех или иных местностях – губернскими комиссиями по борьбе с дезертирством. Де-

<sup>16</sup> ГА КО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 67. Л. 41–42.

ГА КО, Ф. Р-526, Оп. 1, Д. 67, Л. 41–42.

<sup>17</sup> Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. М., 2012. С. 262, 367–369, 372, 518.

Buldačov V. P., *Utopija, agresija, vlast'. Psihosocial'naja dinamika postrevoljucionnogo vremena*, M., 2012, S. 262, 367–369, 372, 518.

зертиры, явившиеся добровольно в течение 7 дней со дня опубликования данного постановления, освобождались от наказания<sup>18</sup>.

Как всегда репрессивные меры предлагалось сочетать с социальной поддержкой соответствующих категорий населения. Комиссия по дезертирству Московского округа, настраивая подчинённые ей губернские комиссии на выполнение принятых в центре решений, предписывала контролировать работу комиссариатов соцобеспечения, земледелия, продорганов по обеспечению семей красноармейцев. «Заставьте их работать энергично. Воспользуйтесь партийными товарищами для пропаганды при отправке маршевых рот на фронт, обращайтесь на караул», – рекомендовалось в циркуляре от 13 июня 1919 г. Командирам воинских частей предписывалось незамедлительно сообщать в местные комиссии по борьбе с дезертирством о случаях неправильного или несвоевременного отпуска продовольствия или обмундирования. Они были обязаны даже следить за тем, чтобы коммунисты жили вместе с красноармейцами в одном помещении и «вели пропаганду»<sup>19</sup>.

В общем, это были типичные по «военно-коммунистическому» духу решения. Формально на местах старались жестко следовать им. Но сомнительно, чтобы эти предписания могли быть в полном объеме реализованы: для этого попросту не было ни сил, ни средств. Тем не менее поначалу существовала убеждённость, что проблема может быть оперативно решена.

Так, калужская дезертиркомиссия призывала свои уездные органы «в ближайшие недели закончить борьбу с дезертирством». В установленные сроки предписывалось «очистить» территорию, чтобы «развязать себе руки для борьбы с более опасным врагом на фронте». С этой целью уездные комиссии наделялись правом производить частичную конфискацию имущества семей дезертиров, не явившихся добровольно, в пользу родственников «сознательных» красноармейцев (правда, окончательное решение в подобных непростых случаях принимал ревтрибунал). На уездные комиссии также возложили обязанность по согласованию с губернской комиссией налагать штрафы на целые волости, села, деревни и привлекать их к принудительным работам<sup>20</sup>.

Волостные комиссии по борьбе с дезертирством в губернии не создавались – считалось, что эту задачу в состоянии решить волостные военные комиссары. От последних требовали розыска всех дезертиров с помощью вооружённых отрядов. При этом комиссарам предписывалось самим

---

<sup>18</sup> Постановление Совета Обороны о мерах по искоренению дезертирства. 3 июня 1919 г. // Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 264–267.

Postanovlenie Soveta Oborony o merah po iskoreneniju dezertirstva. 3 ijunja 1919 g., Dekrety Sovetskoj vlasti, M., 1971, T. 5, S. 264–267.

<sup>19</sup> ГА КО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 67. Л. 18, 27, 38, 41, 53.

ГА КО, Ф. Р-526, Оп. 1, Д. 67, Л. 18, 27, 38, 41, 53.

<sup>20</sup> Там же. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 67. Л. 63 об, 82, 104, 124.

Ibid, F. R-526, Op. 1, D. 67, L. 63 ob, 82, 104, 124.

настойчиво добиваться присылки таких отрядов<sup>21</sup>. Между тем у волостных военкомов хватало забот, непосредственно связанных с ходом мобилизаций.

1919 год с полным основанием можно считать годом сплошной мобилизации. Обстановка, в которой в Калужской губернии проводились многочисленные, в количестве 44 (!) (в 1915 г. было 9, а в 1916 г. – 8 призывов), призывы, нашла своё отражение в соответствующих документах исполкомов Советов<sup>22</sup>. Так, в сводке Перемышльского уездного исполкома за 25 июня – 22 июля 1919 г. сообщалось, что настроение населения «нервно-возбуждённое на почве продовольственного кризиса и взятия необходимых в хозяйстве работников на фронт... семейства остаются без помощи, поля не обработаны». В Жиздринском уезде в период с 1 по 15 июля 1919 г. отмечались волнения крестьян, также недовольных частыми мобилизациями и голодным существованием<sup>23</sup>. Согласно отчёту инструктора калужского губисполкома, в Лихвинском уезде волостные совдепы летом 1919 г. стали принимать характерные решения: постановления о мобилизации должны распространяться только на коммунистов и сочувствующих; в первую очередь следует отправлять в армию дезертиров, включая и уклоняющихся коммунистов, которых, как утверждалось, в уезде немало. В целом отношение населения к коммунистам характеризовалось как «недоверчивое» по причине того, что они «всячески избегают фронта». Скорее всего, это была обычная, известная со времен мировой войны отговорка об отправке на фронт «нетрудовых» элементов и «буржуев»<sup>24</sup>. При этом крестьяне интересовались, почему они ни разу не получили ни фунта продовольствия и ни аршина мануфактуры. Один из проверяющих отметил, что крестьяне в порядке самообеспечения торгуют незаконно порубленным лесом или обменивают его на хлеб<sup>25</sup>.

В своих рапортах волостные военные комиссары докладывали наверх об отсутствии в их распоряжении сил и средств для борьбы с дезертирами. Так, военком Серединской волости Боровского уезда жаловался, что не имеет «совершенно ничего, ни достаточных сил, ни вооружения», приходится «рассчитывать только на себя и на милиционера, хотя дезертиров накопилась масса». Он просил прислать на помощь «сильно вооружённый отряд, планомерно работающий». Но вряд ли этой меры было достаточно. В рапорте также сообщалось, что, по слухам, в одной из деревень соседней волости существовало подпольное бюро по изготовлению для дезертиров

<sup>21</sup> ГА КО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 69. Л. 23.

ГА КО, Ф. Р-526, Оп. 1, Д. 69, Л. 23.

<sup>22</sup> Там же. Д. 25. Л. 40–41.

Ibid, D. 25, L. 40–41.

<sup>23</sup> Там же. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 310. Л. 39, 43.

Ibid, F. R-1498, Op. 1, D. 310, L. 39, 43.

<sup>24</sup> Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Указ. соч. С. 282, 473.

Buldaikov V. P., Leont'eva T. G., *Op. cit.*, S. 282, 473.

<sup>25</sup> ГА КО. Ф. Р-1498. Оп. 5. Д. 2. Л. 263, 314.

ГА КО, Ф. Р-1498, Оп. 5, Д. 2, Л. 263, 314.

поддельных документов, при этом указывалось место, где постоянно происходят собрания дезертиров<sup>26</sup>. Ситуация была вполне типичной<sup>27</sup>.

Причину «поголовного» дезертирства крестьяне обычно объясняли «неправильными» действиями властей. Население призывного возраста поддерживало дезертиров. Объективно ситуация была такова, что все волостные военные комиссары не надеялись на искоренение дезертирства без вооруженных отрядов, систематически проводящих облавы. Но таких отрядов в их непосредственном распоряжении не было и не могло быть<sup>28</sup>.

На местах подчас применялись и исключительные меры, вроде публичной порки дезертиров (Мещовский уезд, Калужская губ.)<sup>29</sup>. Всего за семь месяцев 1919 г. было осуждено 95 тыс. так называемых злостных дезертиров, из которых более половины было отправлено в штрафные части, а 600 чел. расстреляно<sup>30</sup>.

В сентябре 1919 г. калужская комиссия по борьбе с дезертирством пришла к заключению, что «поднятия интенсивности работы с дезертирами на местах не происходит». 1 октября 1919 г. в губернском центре собрали председателей уездных дезертиркомиссий, предварительно прошедших проверку их работы. Съезд проходил в Калуге 1 – 2 октября 1919 г. На съезд были приглашены председатель окружной комиссии по борьбе с дезертирством Егоров (Москва), представители губернской милиции, ЧК, губвоенкома. Были заслушаны отчеты председателей всех уездных комиссий. Было отмечено, что по Калужскому уезду в 1919 г. вооруженным отрядом местной караульной роты было задержано более 2 тыс. дезертиров. Трудно сказать, насколько реальной была эта цифра. Примечательно вместе с тем, что отряд, помимо ловли дезертиров, «занимался самочинными обысками, отбирая у населения продукты». Сменивший его отряд также допускал злоупотребления, за что его начальник был предан суду. Отмечались случаи, когда милиция отказывалась помогать, не считая, как видно, облаву на дезертиров «достойным» делом. Была отмечена также слабая агитация против дезертирства на волостном уровне<sup>31</sup>.

<sup>26</sup> ГА КО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 69. Л. 169.

ГА КО, Ф. Р-526, Оп. 1, Д. 69, Л. 169.

<sup>27</sup> См.: Левшин К. В. Фальсификация документов как способ уклонения от службы в Красной армии (по материалам Петроградской губ.) // Университетский историк: Альманах. Вып. 6. СПб., 2010.

Levshin K. V., *Fal'sifikacija dokumentov kak sposob ukloenija ot sluzhby v Krasnoj armii (po materialam Petrogradskoj gub.)*, Universitetskij istorik: Al'manah, Vyp. 6, SPb., 2010.

<sup>28</sup> ГА КО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 69. Л. 39, 41, 169.

ГА КО, Ф. Р-526, Оп. 1, Д. 69, Л. 39, 41, 169.

<sup>29</sup> Там же. Д. 67. Л. 220.

Ibid, D. 67, L. 220.

<sup>30</sup> Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. С. 175–176.

Grazhdanskaja vojna i voennaja intervencija v SSSR. Jenciklopedija, S. 175 – 176.

<sup>31</sup> ГА КО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 67. Л. 153.

ГА КО, Ф. Р-526, Оп. 1, Д. 67, Л. 153.



Из доклада по Козельскому уезду следовало, что до прибытия в августе 1919 г. вооружённого отряда губчека дезертиры добровольно не являлись. Некоторые из них ухитрялись совершать побеги по 5–6 раз. На воззвания и листовки дезертиры не обращали внимания. Члены уездной дезертиркомиссии считали, что без применения репрессивных мер борьба с дезертирством «сведется к нулю». В Мосальском уезде в августе 1919 г. в облавах было задержано 45–60 человек, ими было задержано 22 дезертира, признанных злостными. Уездной комиссией было признано, что окончательно очистить уезд от дезертиров можно будет усилиями 3–4 отрядов (60–75 человек) в течение 1 месяца, так как их остается не менее 7 тыс. человек<sup>32</sup>. Вряд ли эта задача была разрешимой.

Работа съезда показала, что «борцы с дезертирством» подчас лишь настраивают население против советской власти. Так, председатель Мосальской дезертиркомиссии Андреев, назначенный на эту должность накануне съезда, умолчал о том, что бывший председатель комиссии член РКП(б) С. Н. Богомолов и член комиссии Н. Ф. Соколов занимались присвоением незаконно конфискованных у населения продуктов и других предметов. При сопротивлении этим действиям граждане подвергались избиению<sup>33</sup>.

Репрессивные меры все же дали некоторый результат. Так, после того, как в Лихвинский уезд в июле 1919 г. впервые прибыл вооружённый отряд из Калуги, дезертиры стали «являться». Их тут же разделяли на «злостных» и «слабовольных». Первых отправляли в распоряжение губдезертиркомиссии, а вторых, составляющих подавляющее большинство (около 5 тыс.), – в запасные воинские части. Но местное население уезда по-прежнему проявляло к дезертирам явное сочувствие. Более того, если дезертиров население снабжало продуктами, то к красноармейцам отряда благожелательного отношения не наблюдалось. Получалось, что люди, призванные вести борьбу с дезертирами, снабжались хуже, чем их противники. Дезертирам симпатизировали многие. В Боровском уезде милиция вместо помки укрывала дезертиров. Так, один милиционер отпустил 35 пойманных дезертиров<sup>34</sup>. Вероятно, подобных злоупотреблений было немало.

В таких условиях власть могла лишь ужесточать меры по борьбе с дезертирством. Так, один из выступавших на съезде делегатов одобрил проводившуюся отрядом из Калуги в Боровском уезде конфискацию имущества дезертиров. Он считал, что эта мера стала менять отношение населения к дезертирству. Вместе с тем он считал просветительную работу среди населения заведомо слабой из-за отсутствия подготовленных кадров.

<sup>32</sup> ГА КО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 67. Л. 153–157 об.

ГА КО, Ф. Р-526, Оп. 1, Д. 67, Л. 153–157 об.

<sup>33</sup> Там же. Ф. Р-819. Оп. 6. Д. 1. Л. 13, 15, 16, 64, 65, 72.

Ibid, F. R-819, Op. 6, D. 1, L. 13, 15, 16, 64, 65, 72.

<sup>34</sup> Там же. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 67. Л. 154.

Ibid, F. R-526, Op. 1, D. 67, L. 154.

Было задержано около 600 дезертиров, среди которых половина квалифицировалась как «злостные»<sup>35</sup>.

В Перемышльском уезде в сентябре было задержано около 1,5 тыс. дезертиров. Уездная комиссия считала, что для полного успеха не хватало агитационных мер. Прозвучало обещание «очистить уезд на днях». В Жиздринском уезде отряд, состоявший из бойцов местной караульной роты, «выловил» на 1 октября 1919 г. более 9,5 тыс. дезертиров, однако остались непойманными более 2 тыс. человек. Отмечалось, что добровольно сдавшихся «было мало». Было отмечено, что газеты, плакаты, воззвания употребляются, как правило, на папиросы и оклейку стен<sup>36</sup>.

Несомненно, борьбу с дезертирством серьезно осложняли негативные представления крестьян о деятельности местных властей. Так, председатель боровской комиссии отметил, что вместо выдачи сельхозорудий семьям красноармейцев они распределяются между всеми крестьянами. Примечательно, что причины «бесчинств» со стороны красноармейских отрядов по отношению к местному населению нередко оставались «неустановленными»<sup>37</sup>.

Представитель отдела политического просвещения губернского военного комиссариата в своем докладе отметил, что поскольку армии, созданной на добровольной основе, создать не удалось, в нынешней Красной армии оказалась масса политически неразвитых молодых людей. Он уверял, что отдел ведёт среди них соответствующую работу. В результате молодые красноармейцы калужского гарнизона уже перестали поднимать на митингах вопрос о продовольственном снабжении, так как якобы усвоили трудности политического положения молодой Советской республики. Вместе с тем выступавший признал, что в уездах политическая агитация поставлена слабо из-за отсутствия там подготовленных кадров. В заключение вновь назначенный председатель губернской комиссии подверг резкой критике политическую работу среди красноармейцев. Как результат, заявил он, они бегут из частей «по 600–700 человек в сутки». Он не исключал, что при случае военнослужащие могут выступить с оружием в руках против Советской власти. Это связывалось с тем, что в уездах не провели ни одного митинга. Кроме того, говорилось, что в ходе облав на дезертиров войска внутренней охраны не контролировались, работа для предупреждения бесчинств и безобразий с их стороны не велась. Судя по всему, борьба с дезертирством велась несогласованно, для проверки документов не привлекалась железнодорожная милиция. Поимкой дезертиров до августа

<sup>35</sup> ГА КО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 67. Л. 154.

GA KO, F. R-526, Op. 1, D. 67, L. 154.

<sup>36</sup> Там же. Л. 157.

Ibid, L. 157.

<sup>37</sup> Там же. Л. 155.

Ibid, L. 155.

1919 г. вообще не занимались, затем стали проводить облавы без общегубернского плана<sup>38</sup>.

В конце 1919 г. права комиссий по борьбе с дезертирством были расширены. Так, 13 декабря 1919 г. Совет обороны принял постановление о предоставлении губернским комиссиям по борьбе с дезертирством прав ревтрибуналов по части вынесения приговоров, а также о предоставлении уездным комиссиям права наложения наказаний на укрывателей дезертиров<sup>39</sup>. В целом всё шло к ужесточению репрессий. Циркуляры губревкома и губдезертиркомиссии от октября – декабря 1919 г. требовали от уездных органов принятия экстренных мер к ликвидации дезертирства. В связи с этим предписывалось приравнять уклонистов к злостным дезертирам, «немедленно приступить к внезапным облавам», добиться привлечения представителей сельских и волостных Советов к ответственности за бездействия как укрывателей<sup>40</sup>. Такие предложения сочетались с предостережениями «не перегибать палку». Так, уездные дезертиркомиссии предупреждались о недопустимости применения при облавах наказания плетью. Такая мера якобы могла создать представление о «бессилии борцов с дезертирством»<sup>41</sup>.

Исполкомы местных Советов, со своей стороны, летом 1919 г. принимали постановления, направленные на предупреждение дезертирства и борьбу с ним. Так, предлагалось обязать каждого члена исполкома вести соответствующую агитацию с населением, проводить недели агитации совместно с партийными комитетами. Попытались провести в жизнь передачу конфискованного у семей дезертиров имущества семьям красноармейцев. Заодно позаботились и об обеспечении членов местных дезертиркомиссий красноармейскими пайками<sup>42</sup>. В общем это было обычное для того времени сочетание репрессивных и стимулирующих практик.

С целью активизации профилактики дезертирства Реввоенсовет республики направлял на места политработников. Так, в сентябре 1919 г. в распоряжение калужского ревкома прибывший из Москвы политработник был назначен на должность заведующего агитационным отделением политотдела губернского военного комиссариата (с января 1920 г. он занял

<sup>38</sup> ГА КО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 67. Л. 157–157 об.

ГА КО, Ф. Р-526, Оп. 1, Д. 67, Л. 157–157 об.

<sup>39</sup> Постановление Совета Обороны о предоставлении губернским комиссиям по борьбе с дезертирством прав революционных трибуналов в отношении вынесения приговоров по делам дезертиров. 13 декабря 1919 г. // Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 22–23.

Postanovlenie Soveta Oborony o predostavlenii gubernskim komissijam po bor'be s dezertirstvom prav revoljucionnyh tribunalov v otnoshenii vyneseniya prigovorov po delam dezertirov. 13 dekabnja 1919 g., Dekrety Sovetskoj vlasti, M., 1974, T. 7, S. 22–23.

<sup>40</sup> ГА КО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 67. Л. 124, 145, 210.

ГА КО, Ф. Р-526, Оп. 1, Д. 67, Л. 124, 145, 210.

<sup>41</sup> Там же. Л. 220.

Ibid, L. 220.

<sup>42</sup> Там же. Л. 1, 88 об, 138, 172.

Ibid, L. 1, 88 об, 138, 172.

должность начальника политотдела). Из его отчёта складывается весьма характерная картина: в 1918–1919 гг. коммунисты калужского гарнизона (до 1 300 человек) вообще не состояли на партийном учете, «сидели в воинских частях по казармам и ничего не делали», а экзамены по политграмоте показали их полную неподготовленность. По мнению политработника, для исправления положения требовались 6-недельные курсы политграмоты, программа которых была специально разработана Главным политическим управлением для всех коммунистов. Кроме того, следовало увеличить число агитаторов политотдела губернского военного комиссариата до 15, а также вести в его штат до 10 лекторов по политическим вопросам<sup>43</sup>.

Предлагались и меры по улучшению качества политической работы. По инициативе эмиссара Реввоенсовета в январе – феврале 1920 г. в Калуге и во всех уездах были смещены с должностей военкомы и их помощники. В первой половине 1920 г. было открыто до 40 специальных школ для красноармейцев, подготовлено 48 политпросветработников, 60 агитаторов, которые были отправлены в узды для борьбы с дезертирами. После этих мероприятий в начале июля 1920 г. эмиссар был отозван в Москву<sup>44</sup>.

Между тем в самом густонаселенном уезде Калужской губернии – Жиздринском из зарегистрированных на начало 1920 г. 13 670 дезертиров в январе – августе было задержано и отправлено в запасные части лишь немногим более 5 тыс. человек. В сентябре 1920 г. губернская дезертиркомиссия вынуждена была потребовать от жиздринской комиссии: «Будет ли ликвидировано в Жиздринском уезде дезертирство к 15 сентября 1920 г.? Если не примите должных мер к выкачке дезертиров, будете преданы суду»<sup>45</sup>. Однако подобные угрозы не помогли переломить ситуацию. В 1920 г. в Калужской губернии проводилось 8 мобилизаций. Из состоявших на учете 13 145 призывников не явилось 26,4 % (для сравнения в 1919 г. – 28,3 %) <sup>46</sup>.

По данным современных исследователей, с июня 1919 по июнь 1920 г. количество дезертиров в стране оценивалось в 2,6 млн человек. Ежемесячно из Красной армии дезертировало около 200 тысяч красноармейцев<sup>47</sup>. Для сравнения в период Первой мировой войны до февраля 1917 г. в среднем ежемесячно из армии дезертировали 6,3 тыс. военнослужащих<sup>48</sup>. Народ

<sup>43</sup> ГА КО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 25. Л. 162.

GA KO, F. R-85, Op. 1, D. 25, L. 162

<sup>44</sup> Там же. Л. 121.

Ibid, L. 121.

<sup>45</sup> Там же. Ф. Р-1069. Оп. 1. Д. 92. Л. 177, 233, 316.

Ibid, F. R-1069, Op. 1, D. 92, L. 177, 233, 316.

<sup>46</sup> Там же. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 25. Л. 40–41.

Ibid, F. R-85, Op. 1, D. 25. L. 40–41.

<sup>47</sup> Рожков А. Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: в 2-х томах. Краснодар, 2002. Т. 1. С. 8.

Rozhkov A. Ju., *V krugu sverstnikov: zhiznennyj mir molodogo cheloveka v sovetskoj Rossii 1920-h godov*, V 2-h tomah, Krasnodar, 2002, T. 1, S. 8.

<sup>48</sup> Подсчитано по: Россия в мировой войне 1914 – 1918 гг.: (В цифрах). М., 1925. С. 26.

Rossija v mirovoj vojne 1914 – 1918 gg.: (V cifrah), M., 1925, S. 26.

устал от войны, пропагандистские кампании не могли радикально изменить ситуацию.

Дела о злостных дезертирах, подстрекателях, пособниках, а также укрывателях в апреле 1920 г., согласно постановлению ВЦИК, должны были передаваться в губернские революционные трибуналы. При этом учитывались результаты предварительного следствия, проведенного местными комиссиями по борьбе с дезертирством<sup>49</sup>. Общие мероприятия по борьбе с укрывателями дезертиров и по преследованию их тем или иным порядком на основании постановления Совета труда и обороны республики подлежали ведению Центральной комиссии по борьбе с дезертирством<sup>50</sup>. Можно сказать, что к концу Гражданской войны стала складываться целостная система мер, призванная приостановить дезертирство.

В начале февраля 1921 г. ВЦИК и СНК установили судебный порядок рассмотрения дел о военном дезертирстве, пособничестве, попустительстве и укрывательстве дезертиров. Все дела передавались в соответствующие народные суды, за исключением некоторых категорий дел (дезертирство в боевой обстановке, дезертирство лиц командного, административного и комиссарского состава, дезертирство, отягощенное участием в вооруженных шайках (бандитизм), укрывательство, пособничество и попустительство дезертирству со стороны ответственных должностных лиц, участие в шайках, изготовляющих и распространяющих фальшивые воинские документы), которые подлежали передаче в революционные военные трибуналы фронтов, армий и округов. Заодно упразднились отделения по дезертирским делам губревтрибуналов<sup>51</sup>.

В мае 1921 г. руководство борьбой с военным дезертирством было возложено на мобилизационное управление штаба РККА, а на местах – на мобилизационные отделы военных комиссариатов<sup>52</sup>. По окончании Гражданской войны встала задача борьбы с так называемым трудовым дезертир-

---

<sup>49</sup> Постановление ВЦИК о комиссиях по борьбе с дезертирством. 8 апреля 1920 г. // Декреты Советской власти. М., 1976. Т. 8. С. 21–23.

Postanovlenie VCIK o komissijah po bor'be s dezertirstvom. 8 aprlja 1920 g., Dekrety Sovetskoj vlasti, M., 1976, T. 8, S. 21–23.

<sup>50</sup> Постановление СТО о преследовании Центральной комиссией по борьбе с дезертирством укрывателей дезертиров. 18 августа 1920 г. // Декреты Советской власти. М., 1980. Т. 10. С. 268.

Postanovlenie STO o presledovanii Central'noj komissiej po bor'be s dezertirstvom ukryvatelej dezertirov. 18 avgusta 1920 g., Dekrety Sovetskoj vlasti, M., 1980, T. 10, S. 268.

<sup>51</sup> Постановление ВЦИК и СНК о направлении в народные суды всех дел о военном дезертирстве и укрывательстве дезертиров // Декреты Советской власти. М., 1989. Т. 13. С. 10–12.

Postanovlenie VCIK i SNK o napravlenii v narodnye sudy vseh del o voennom dezertirstve i ukryvatel'stve dezertirov, Dekrety Sovetskoj vlasti, M., 1989, T. 13, S. 10–12.

<sup>52</sup> Постановление СНК о трудовом дезертирстве. 9 мая 1921 г. // Декреты Советской власти. М., 1999. Т. 15. С. 18–19.

Postanovlenie SNK o trudovom dezertirstve. 9 maja 1921 g., Dekrety Sovetskoj vlasti, M., 1999, T. 15, S. 18–19.

ством, появилось особое постановление СНК. Соответственно Центральная комиссия по борьбе с дезертирством была преобразована в Комиссию по борьбе с трудовым дезертирством при Народном комиссариате труда.

В Калужской губернии на 1 ноября 1921 г. было зарегистрировано не явившихся на призывную комиссию – 624 человека, дезертировавших из Красной армии – 1 498, просрочивших отпуска – 263, уклонившихся от призыва и учета – 61, всего – 2 446 человек. В октябре 1921 г. в губернии была объявлена кампания по борьбе с дезертирством. По данным губвоенкома, на поимку дезертиров выезжало 29 отрядов (278 человек). Состоялась 21 выездная сессия народного суда. Для конфискации имущества дезертиров уездными военками выделялось по 1–2 работника и столько же уездные исполкомы. За неделю добровольно явились 1 576 дезертиров из армии и 125 уклонистов, было выявлено 14 дезертиров. Результаты не были впечатляющими. Состояние политико-просветительной работы на уровне уездов не удовлетворяло губернское руководство. Предвиделось даже ее дальнейшее ухудшение. «Эта работа должна совсем сойти на нет вследствие снятия с пайков всех культурработников», – отмечалось в отчете губернского военного комиссариата<sup>53</sup>. Усталость населения от войны сказывалась всё сильнее.

По данным мобилизационного отдела губвоенкома, на 1 марта 1922 г. в Калужской губернии насчитывалось около 2 тыс. дезертиров. Неудачи по их розыску связывались с тем, что «борьба ведется силами одной только милиции», и это признавалось недостаточным<sup>54</sup>. Порядок поиска дезертиров не предполагал особой оперативности: сведения от командования воинских частей поступали сначала в венные комиссариаты, оттуда – в исполкомы по месту жительства дезертира. Исполкомы должны были арестовать с помощью милиции самого дезертира, а также его укрывателей: одного члена семьи, а заодно и председателя сельсовета. Кроме того, предлагалось составить акт о семейном и имущественном положении арестованного и в течение двух недель доставить его вместе с актом в уездный военный комиссариат. (Такая же документация составлялась и на не найденных лиц). После этого должно было последовать соответствующее судебное решение<sup>55</sup>. Например, в Боровском уезде за год народным судом было вынесено 59 приговоров<sup>56</sup>. Вряд ли этим количеством исчерпывались дела о дезертирстве.

Штаб Московского военного округа не удовлетворяли результаты борьбы с дезертирством. В августе 1923 г. в циркуляре, адресованном калужскому губернскому военному комиссару, указывалось, что дезертирст-

<sup>53</sup> ГА КО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 25. Л. 53, 71–72.

GA KO, F. R-85, Op. 1, D. 25, L. 53, 71–72.

<sup>54</sup> Там же. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 57. Л. 156.

Ibid, F. R-475, Op. 1, D. 57, L. 156.

<sup>55</sup> Там же. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 153. Л. 1666, 1673.

Ibid, F. R-98, Op. 1, D. 153, L. 1666, 1673.

<sup>56</sup> Подсчитано по: ГА КО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 263. Л. 2–207.

GA KO, F. R-526, Op. 1, D. 263, L. 2–207.

во не уменьшается, а на местах ведется «недостаточно эффективная ловля дезертиров»<sup>57</sup>. Не способствовали обнаружению уклонистов от военной службы и некоторые «стихийные» явления. Так, 31 января 1923 г. в письме Калужского губисполкома сообщалось, что за последнее время в волисполкомах в результате пожаров были уничтожены мобилизационные планы, а также утеряны и похищены документы по мобилизации<sup>58</sup>. Тем не менее борьба с дезертирством продолжалась. В 1924 г. особое внимание уделялось розыску лиц, чьи дела подлежали рассмотрению революционными военными трибуналами военных округов. Так, на начало 1924 г. в Боровском уезде числилось 5 дезертиров этой категории<sup>59</sup>.

Искоренить дезертирство не удалось ни в 1919 г., ни в последующие годы. Правда, в первой половине 1920 г. добровольно явилось 556 тыс. дезертиров. Тем не менее повальные обыски, произведённые на Украине, выявили в течение 5 месяцев ещё 500 тыс. дезертиров. Известен случай, когда дивизия, переброшенная на Западный фронт, по прибытию на место не досчиталась 50 % своего личного состава. За полтора года (с начала 1919 г.) было зафиксировано около 3,4 млн случаев дезертирства. В целом за годы Гражданской войны уклонения от явки на призывные пункты составили 75 %, побеги после приема на службу – 18–20 %<sup>60</sup>. По признанию М. В. Фрунзе, в 1923 г. из армии дезертировали 7,5 % красноармейцев, в 1924 г. – 5 % и только в 1925 г. количество дезертировавших из армии сократилось до 0,1 %<sup>61</sup>.

Таким образом, сочувствие населения дезертирам, пособничество и укрывательство их стали настолько массовым явлением, что искоренение дезертирства делалось невозможным. К тому же, исполнители специально разрабатываемых предупредительных и карательных мер против дезертирства, не имея соответствующей выучки, систематически превышали свои полномочия, вызывая недовольство населения. Волостные военные комиссары для розыска и конвоирования дезертиров не имели в своем распоряжении постоянных вооруженных отрядов, хотя было известно, что основная масса дезертиров скрывалась в пределах своих деревень и сел. Столь масштабное и длительное противостояние деревни «военно-коммунистической» власти показывает, что политика большевиков, факти-

<sup>57</sup> ГА КО. Ф. Р-486. Оп. 1. Д. 196. Л. 220.

ГА КО, Ф. Р-486, Оп. 1, Д. 196, Л. 220.

<sup>58</sup> Там же. Д. 646. Л. 11 а.

Ibid, D. 646, L. 11 a.

<sup>59</sup> Там же. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 372. Л. 11, 17, 19, 35, 51, 57.

Ibid, F. R-526, Op. 1, D. 372, L. 11, 17, 19, 35, 51, 57.

<sup>60</sup> См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. С. 175–176; Оликов С. Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. М., 1926.

Grazhdanskaya voyna i voennaya interventsiya v SSSR. Entsiklopediya, S. 175–176; Olikov S., *Dezertirstvo v Krasnoi armii i bor'ba s nim*, M., 1926.

<sup>61</sup> Рожков А. Ю. Указ. соч. С. 9–10.

Rozhkov A.Ju., *Op. cit.*, S. 9–10.

чески взвалившая основное бремя Гражданской войны на деревню, противостояла жизненным интересам крестьянства.

### Список литературы

1. *Аникеев В. В.* Деятельность ЦК РКП(б) в 1918–1919 годах (Хроника событий). М.: Мысль, 1976. – 582 с.
2. *Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г.* Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015. – 720 с.
3. *Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. – 759 с.
4. *Булдаков В. П.* Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2010. – 1092 с.
5. *Левшин К. В.* Фальсификация документов как способ уклонения от службы в Красной армии (по материалам Петроградской губ.) // Университетский историк: Альманах. Вып. 6. СПб., 2010.
6. *Оликов С.* Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. М., 1926. – 128 с.
7. *Рожков А. Ю.* В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. В 2-х томах. Т. 1. Краснодар: Перспективы образования, 2002. – 640 с.

### DESERTION IN SOVIET RUSSIA IN 1918 – THE FIRST HALF OF THE 1920s (ON THE EXAMPLE OF KALUGA PROVINCE)

I. B. Belova

Konstantin Tsiolkovsky Kaluga State University, dept of modern Russian history, *Kaluga, Russia*

The problem of mobilization evasion in the Red army and illegal abandonment of military service during the Civil war in Russia has not been sufficiently studied. The present article based on the materials of the State Archive of Kaluga Region (including some funds of provincial and district military commissariats, provincial roar Tribunal, the Department and the administrative Department of the province Executive Committee). The author concluded that “the eradication” of desertion was impossible in 1919, as it was expected. This was primarily due to the fact that the extent of desertion was proportionate to support and harbouring of deserters which, against the authorities, was done by almost all the peasant population, who had to bare the main burden of Bolsheviks’ policy of “war communism”.

**Keywords:** *deserters, the struggle with desertion, the Red Army, Civil War, Kaluga province, military Commissars, the Bolsheviks.*



*Об авторе:*

БЕЛОВА Ирина Борисовна – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей отечественной истории, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (Россия, 248023, Калужская область, г. Калуга, ул. Ст. Разина, 26), e-mail: irina-25.01@mail.ru

*About the author:*

BELOVA Irina Borisovna – Doctor of History, Associate Professor, the Dept of Modern Russian History, Konstantin Tsiolkovsky Kaluga State University, (Russia, 248023, Kaluga region, Kaluga, St. Razina St., 26), e-mail: irina-25.01@mail.ru

**References**

- Anikeev V.V., *Dejatel'nost' CK RKP(b) v 1918-1919 godah (Hronika sobytij)*. М.: Mysl', 1976. – 582 s.
- Buldakov V.P., Leont'eva T.G., *Vojna, porodivshaja revoljuciju: Rossija, 1914 - 1917 gg.* М.: Novyj hronograf, 2015, 720 s.
- Buldakov V.P., *Utopija, agressija, vlast'. Psihosocial'naja dinamika postrevoljucionnogo vremeni. Rossija, 1920-1930 gg.*, М.: ROSSPJeN, 2012, 759 s.
- Buldakov V.P., *Haos i jetnos: Jetnicheskie konflikty v Rossii, 1917 – 1918 gg. Uslovija vznikovenija, hronika, kommentarij, analiz.* М.: Novyj hronograf, 2010, 1092 s.
- Levshin K.V., *Dezertirstvo v Krasnoj Armii v gody Grazhdanskoj vojny na Severo-Zapade Rossii, 1918 – 1921 gg.*: Diss. ... kand. ist. nauk, SPb., 2012, 300 s.
- Levshin K.V., *Fal'sifikacija dokumentov kak sposob ukлонenija ot sluzhby v Krasnoj armii (po materialam Petrogradskoj gub.)*, Universitetskij istorik: Al'manah, Vyp. 6, SPb., 2010.
- Olikov S., *Dezertirstvo v Krasnoj armii i bor'ba s nim*, М., 1926, 128 s.
- Rozhkov A.Ju., *V krugu sverstnikov: zhiznennyj mir molodogo cheloveka v sovetskoj Rossii 1920-h godov.* V 2-h tomah, T. 1, Krasnodar: Perspektivy obrazovanija, 2002, 640 s.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2016 г.*